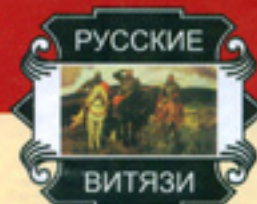
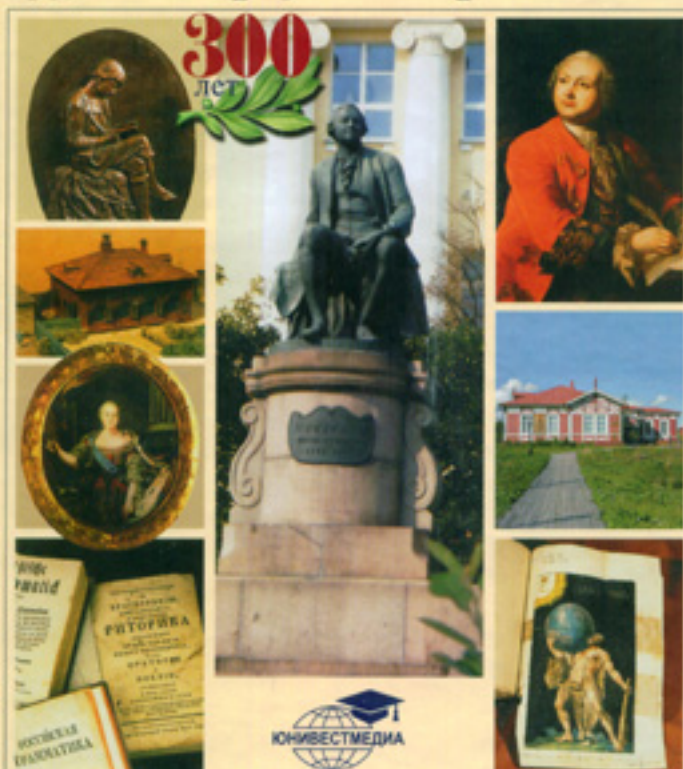

ЗАЩИТНИКИ И СОЗИДАТЕЛИ
РОССИИ

Михаил Ломоносов

*Ученый-энциклопедист, поэт,
художник, радетель просвещения*

Русские витязи: защитники и созидатели России

Андрей Шолохов

**Михаил Ломоносов: учёный-
энциклопедист, поэт, художник,
радетель просвещения**

ООО «ЮниВестМедиа

2010

УДК 335.48 (47+57)

ББК 63.3 (2) 4-8

Шолохов А. Б.

Михаил Ломоносов: учёный-энциклопедист, поэт, художник, радатель просвещения / А. Б. Шолохов — ООО «ЮниВестМедиа, 2010 — (Русские витязи: защитники и создатели России)

ISBN 978-5-903828-03-6

Сборник научно-популярных материалов к 300-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765), первого русского учёного-естествоиспытателя мирового значения, поэта, заложившего основы современного русского литературного языка, художника, историка, поборника отечественного просвещения, развития русской науки и экономики. Открытия Ломоносова обогатили многие отрасли знания. Его научная и общественная деятельность на благо России, патриотизм в оценке исторических персонажей и событий поучительны и в наше время.

УДК 335.48 (47+57)

ББК 63.3 (2) 4-8

ISBN 978-5-903828-03-6

© Шолохов А. Б., 2010

© ООО «ЮниВестМедиа, 2010

Содержание

С. М. Миронов	5
В. И. Голдин	6
Н. А. Шумилов	17
Н. И. Николаев	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Ломоносов: учёный- энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения

С. М. Миронов

Книга о выдающемся сыне России

Перед вами новая книга о выдающемся сыне России, учёном-энциклопедисте, первом русском академике Михаиле Васильевиче Ломоносове. Его имя и дело – законная гордость россиян, путеводная звезда российской науки.

Жизнь и деятельность М. В. Ломоносова глубоко поучительны, они являются примером беззаветного гражданского служения Отечеству. Его личность воплотила в себе те черты, которые были необходимы России для великого прорыва в европейскую цивилизацию, нелёгкого становления отечественной науки и образования. Ломоносова отличали воля, упорство, способность преодолевать препятствия на пути к намеченной цели.

Разнообразие научных устремлений М. В. Ломоносова, титанизм его творческой натуры не перестают удивлять и сегодня. Поистине, он всё охватил и всё познал. Ломоносов не только гениально обогатил практически все существовавшие в XVIII веке отрасли научных знаний, но и заложил основы целого ряда новых наук, пророчески предсказал многое из того, чем мировая наука жила последующие десятилетия и даже столетия. Не будет преувеличением сказать, что имя М. В. Ломоносова на века вписано золотыми буквами в летопись российской и мировой науки.

Его жизнь и деятельность, научные идеи, удалённые от нас почти на 300 лет, сегодня, тем не менее, представляются удивительно актуальными, востребованными. Это касается и взаимоотношений образования и науки, когда мы на новом витке их развития переосмысливаем утверждавшуюся Ломоносовым и реализованную при его активнейшем участии в российской практике XVIII века формулу: гимназия – университет – Академия наук. Современная высшая школа, и прежде всего университеты, немыслима без мощного научного фундамента, интеграции науки и образования. А это именно то, что проповедовал и претворял в жизнь М. В. Ломоносов. Удивительно актуальны также его мысли о приумножении народа российского, бережном отношении к человеку, о необходимости укрепления интеллектуального и социального капитала нации.

Полагаю, что, знакомясь с наследием великого помора, отдавая должное его вкладу в познание мира природы, человека и общества, мы вновь и вновь будем не только перелистывать страницы нашей истории, но и задумаемся над их смыслом и современным звучанием, над тем, что нам предстоит свершить сегодня и в ближайшие годы для решения сложнейших проблем повседневности.

Уверен, что новая книга о Михаиле Васильевиче Ломоносове в преддверии его 300-летнего юбилея станет замечательным вкладом в постижение наследия великого учёного.

Имя М. В. Ломоносова звучит и будет звучать в веках!

*Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российского
Федерации
С. М. Миронов*

В. И. Голдин **Великий российский учёный- энциклопедист в начале XXI века**

В ноябре 2011 года, в начале нового тысячелетия, мы отмечаем 300-летие выдающегося учёного, замечательного сына нашего Отечества Михаила Васильевича Ломоносова. Логично вновь попытаться осмыслить его научное и гражданское наследие – в контексте не только минувших веков, но и современности, заглянуть в будущее и задуматься над тем, что несёт России и миру наступающая эпоха.

Приходится иной раз слышать: зачем сегодня, в столь нелёгкое для России и её граждан, погружённых в свои тяжкие заботы, время, нужно обращение к эпохе давно, казалось бы, канувшей в лету. Кто нам сегодня Ломоносов. Зачем необходимо ломоносововедение?

На какие мысли подвигает юбилей первого русского академика, как видится наследие нашего замечательного земляка сегодня? Как ни парадоксально, но именно сложные, переломные эпохи заставляют учёных и политиков внимательнее вглядываться в толщу минувших лет в поисках ответов на мучающие нас сегодня вопросы, глубже осмысливать историческое наследие, чтобы сквозь призму исторического опыта, размышляя над уроками прошлого, попытаться понять современность и заглянуть в будущее.

Жизнь и деятельность М. В. Ломоносова – замечательный пример бескорыстного и самоотверженного служения Отечеству, своему народу. Его научная мысль и свершения во многом определили эпоху, в которой он жил.

...Все мы родом из детства. Тайна рождения таланта, тем более гения, его появление на свет, становление, возмужание и развитие всегда вызывают множество вопросов, порождают огромное количество версий и толкований. Это в полной мере относится и к М. В. Ломоносову. Как и почему в далёком Поморском крае появился на свет и вырос человек, перевернувший многие представления мировой науки, внесший колоссальный вклад в развитие своего Российского отечества, его интеллектуальный, культурный, духовный и образовательный прогресс? Где и как он набирался творческих и жизненных сил, откуда черпал вдохновение и страсть к познанию?

Ответы на эти вопросы во многом лежат в самом феномене Поморья, Русского Севера и северности как духовной, нравственной, этической, культурной, философской и географической категории. Предки Ломоносова – поморы – были людьми свободными, не испытали многих бед, выпавших на долю России, связанных, прежде всего, с татаро-монгольским игом и крепостничеством.

По известному образному выражению Г. В. Плеханова, Ломоносов был «мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника». Поморы дали России блестящую плеяду мужественных землепроходцев, бесстрашных мореходов.

Михайло Ломоносов с малых лет вместе с отцом и под его наставлением познавал сложный и многогранный северный мир. Будучи юношей, он избородил кажушиеся бескрайними просторы северных рек и морей. Ходил на Мурман, к берегам Норвегии, а возможно, и к Шпицбергену. Удивительно красивые безбрежные лесные и водные пространства Севера пробуждали жизненные силы, творческое вдохновение юного Ломоносова. Мореплавание, рыболовство, промысел морского зверя, борьба с испытаниями и стихиями не только закалили характер юного помора, но одновременно развили его природное любопытство, сформировали страсть к познанию мира. На многие сложные вопросы, возникшие в детстве и юношестве, связанные с увиденным – природа морских течений, законы движения полярных льдов, загадка северного сияния, – он будет искать и находить ответы в течение всей жизни.

Русский Север вошёл в российскую историю как кладёз русской национальной культуры, край с богатейшими традициями фольклора, былинного творчества, уникального деревянного зодчества и замечательных художественных промыслов. Холмогорская земля, где родился и вырос Ломоносов, – один из крупных центров культуры и духовной жизни Поморья и Русского Севера в целом. Холмогорское архиепископство имело богатую библиотеку книг и рукописей – как церковного, так и светского содержания, обладало большой коллекцией карт и географических пособий. Монахи осуществляли переводы и переписывали многие ценные русские и иностранные книги. На холмогорской земле монашествовало немало воспитанников Киево-Могилянской и Московской славяно-греко-латинской академий. Местные монастыри – Холмогорский и Антониево-Сийский – являлись центрами духовности, образования и книжности. Наиболее крупным и знаменитым был Соловецкий монастырь, с настоятелем которого – архимандритом Варсонофием, известным как «умножитель наук и школ любитель», Ломоносов познакомился в юношеские годы и поддерживал добрые отношения до своей смерти¹.

Путешествуя по просторам Севера, Ломоносов познавал жизнь и традиции его коренных народов: ненцев, коми, лопарей, – их видение мира природы и общества, что воплотилось в размышлениях о российской истории и культуре и её корнях.

В юношеские годы у Ломоносова сформировалась не только тяга к познанию мира, но и способность к преодолению всего того, что мешало в делах, творчестве, жизни. Ломоносов много видел и испытал, и кажущийся многим современным обывателям немислимым и неповторимым зимний пеший поход в Москву с рыбным обозом был в действительности не самым страшным испытанием, ибо на море юного помора часто подстерегали неизмеримо более опасные вызовы.

Редкий исследователь жизни и творчества М. В. Ломоносова не касается влияния на него Петра I. Как известно, великий реформатор России трижды посещал Поморье в конце XVII – начале XVIII века. Бывал он и неподалёку от малой родины Ломоносова – приезжал на Вавчугскую верфь. Видимо, какие-то рассказы – передаваемые его земляками из уст в уста – об этих царских визитах, делах и личности Петра Великого доходили и до юного Ломоносова, оставили своего рода памятные зарубки в его уме и душе, что воплотилось в его раздумьях и творчестве уже в зрелом возрасте.

Существует даже легенда, что М. В. Ломоносов внебрачный сын Петра I. Последнее возрождение пришлось на постсоветский период, когда всё пересматривалось и подвергалось сомнению и самое немислимое часто выдавалось за истину или, по крайней мере, казалось близким к ней. Однако последние исследования отвергают эту версию².

В то же время жизнь и деятельность Петра I, замыслы и результаты его преобразований воплотились в весьма близкую Ломоносову идею об особой роли в жизни и преобразовании России «просвещённого монарха», образцом которого и был для него первый российский император. Это вылилось в итоге в знаменитую Ломоносовскую поэму «Пётр Великий». Её песнь первая начинается прекрасно известными многим строками:

*Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну,
Смирил злодеев внутрь, и вне поправ противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;*

¹ Павлова Г. В., Фёдоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1988. С. 31; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. М.-Л., 1950–1959, 1983. Т. 10. С. 435, 799.

² Шумилов Н. А. Род Ломоносовых: Поколенная роспись. Архангельск, 2001.

*Среди военных бурь науки нам открыл,
И мир делами весь и зависть удивил³.*

Будучи неудовлетворённым многим в повседневной действительности, Ломоносов утверждал в обществе и государстве память и славу петровских дел и, вероятно, надеялся, что заложенные традиции оживут в деятельности сановных потомков Петра, станут им примером в высоком служении Отечеству. В «Оде Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный праздник рождения Ея Величества и для всерадостного рождения Государыни Великой Княжны Анны Петровны, поднесённой от Императорской Академии наук декабря 18 дня 1757 года» читаем:

*Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит, правит и предводит,
Натуру духом превосходит
Герой в морях и на земли⁴.*

Впитавший лучшие соки и народные традиции родного Поморского края М. В. Ломоносов достойно прошёл жизненный путь. Патриотизм, безграничная любовь к Родине, прозорливость, вольнолюбие, независимость, мужество, упорство, способность успешно преодолевать кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми препятствия – эти черты настоящего северянина-помора определили человеческий и гражданский облик Ломоносова и обусловили его вклад в российскую и мировую науку и историю Отечества. Личность Ломоносова вместила всю предшествующую эпоху российской истории и последующие её столетия. И в то же время Ломоносов, несомненно, был сыном своего времени – XVIII века, «столетия безумного и мудрого», по ёмкому замечанию А. Н. Радищева. Этот век начался с судьбоносной для России Северной войны, победа в которой, а также петровские реформы, оказали глубокое воздействие на течение последующей российской истории, взаимоотношения России и Европы. Жизненный путь и творчество М. В. Ломоносова были предопределены и тесно связаны с петровской эпохой. А. С. Пушкин, высоко оценивая научный гений и вклад М. В. Ломоносова в развитие Отечества, ставил его между Петром I и Екатериной II, утверждая, что ни среди царей, ни среди государственных деятелей, а тем более среди исследователей ему нет равных.

Многогранность устремлений и таланта, широта взглядов и глубина мышления, творческая смелость, если не сказать дерзость, сочетание в одном лице способностей блестящего теоретика и вдумчивого, одержимого экспериментатора определили удивительное богатство научной натуры М. В. Ломоносова, где сошлись, казалось бы, трудно совместимые грани творчества и научного наследия. Физик, механик, химик, минеролог, геолог, астроном, метеоролог, географ, ритор, поэт, филолог, историк, философ, педагог – он был поистине выдающимся учёным-энциклопедистом. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения»⁵, – справедливо подчёркивал А. С. Пушкин, восхищавшийся гениальностью, силой воли и духа соотечественника.

³ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 282

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, В 10 томах. М., 1949. Т. VII. С. 28.

Трудно назвать ту сферу знаний из существовавших в XVIII веке, в которую Ломоносов не внёс бы весомого творческого вклада. Более того, он заложил основы целого ряда новых отраслей наук. Добавим к этому, что М. В. Ломоносов был блестящим организатором науки и просвещения, поборником развития отечественной экономики.

Комплексный, системный подход к научному творчеству, цельность мышления определяли логическую взаимосвязь работ Ломоносова, его представления о единстве мира и стремление раскрыть основополагающие законы развития природы и человеческого бытия. Проникая из одной сферы знаний в другую, познавая мир природы, общества и человека, М. В. Ломоносов тем самым развивал свои энциклопедические наклонности, вносил в новые науки и сферы деятельности методы, приёмы, подходы из других отраслей знаний. «Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, – размышлял он, – как и физика химии, физике математика, нравоучительная наука и история стихотворству»⁶. К тому же, подобный переход из науки в науку, гениальная способность перемещения и творческого переключения в поисках познания истины и закономерностей организации мира, несомненно, способствовали и творческой самореализации, высокой результативности научного созидания. Научному предвидению Ломоносова не устают удивляться представители многих отраслей научных знаний и сегодня, в условиях колоссального прогресса науки и свершений научной мысли, когда ёмкое понятие «научно-техническая революция», вошедшее в обиход в XX веке, во многом предопределило новое мышление, действия политиков и государственных мужей, учёных и предпринимателей, перспективы и приоритеты развития человеческой цивилизации.

Хотелось бы, характеризуя Ломоносова как учёного и организатора науки, подчеркнуть ещё один принципиально важный момент. Человек, выросший, воспитанный в России и впитавший традиции православной культуры, находясь и обучаясь в Германии, вынес оттуда и воплотил в своём мировоззрении определённые черты протестантской этики, западной прагматичности, предприимчивости. Всё это переплелось в душе и созидательной деятельности Ломоносова. Занимаясь как естественнонаучными, так и социально-гуманитарными исследованиями, он брал лучшее из тех и других наук в исследовательском творчестве, организации научного процесса.

Размышляя о научном творчестве Ломоносова с позиции XXI века, нужно подчеркнуть ещё один элемент и важнейшую ключевую черту его деятельности – стремление и способность к инновациям. Причём в своей деятельности и творчестве Ломоносов объединял различные виды инноваций – организационные, управленческие, научные, образовательные.

Величие личности и научная гениальность первого русского академика, энциклопедический характер его знаний и научных свершений привлекали многих выдающихся представителей науки и культуры разных эпох. О М. В. Ломоносове писали академики С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, Н. П. Лавёров, а также выдающиеся представители отечественной культуры – А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, В. Г. Белинский и др.

В отечественной и зарубежной литературе на протяжении веков после смерти М. В. Ломоносова пытались найти личность, равную ему по величине научного и человеческого гения. Называли имена Леонардо да Винчи, Г. Галилея, И. Ньютона, И.-В. Гёте, Д. И. Менделеева, В. И. Вернадского и некоторых других. И тем не менее, не будет преувеличением сказать, что по масштабу личности как Учёного, Учителя, Просветителя, Организатора, Поэта, Человека и Гражданина, мы вряд ли и сегодня найдём в истории человечества личность, равную М. В. Ломоносову. Прав наш современник Е. Н. Лебедев, многие годы изучавший жизнь и творчество нашего земляка, который пришёл к выводу, что Ломоносов – из

⁶ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 618.

тех гениев, которые появляются в истории народов не то чтобы раз в столетие или раз в тысячелетие, а вообще один только раз⁷.

На глубину научного предвидения М. В. Ломоносова, удивительную современность его мыслей и идей – а это и есть одна из основополагающих характеристик истинного гения – не раз обращали внимание исследователи. «Я всю жизнь следил за всей литературой о Ломоносове, – признавался, например, один из самых выдающихся учёных XX века В. И. Вернадский. – В тогдашнем Петербурге и Петербургской академии наук он самостоятельно шёл по пути, на который научная мысль окончательно вступила в нашем XX веке»⁸.

Чем же актуально наследие М. В. Ломоносова сегодня, в новом веке и тысячелетии, с их, казалось бы, совершенно иными мерками и масштабами научных свершений и видения мира, жизни человечества? Оговоримся сразу, что мы не будем обращаться к отдельным и специальным отраслям научных знаний – это предмет отдельных исследований. Нас интересуют, прежде всего, наиболее значимые вопросы мировоззренческого характера, развития науки, образования и культуры, их значения для современности и будущего России и мира. Один из подобных ключевых вопросов – приумножение знаний о человеке и человечестве, развитие науки о человеке. Одним из краеугольных камней в мировоззренческих представлениях Ломоносова являлась убеждённость в способностях человека и человечества к самосовершенствованию, проникновению человеческого разума не только в глубины природы, но и постижение законов общественного развития. Эта убеждённость одухотворялась идеалами гуманизма, а в отношении своего Отечества подкреплялась патриотизмом, глубокой верой в духовную мощь русского народа. Ломоносов с гордостью писал в «Оде блаженной памяти Государыне Императрице Анне Иоановне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»:

*Крепит Отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку*⁹.

Ломоносов был уверен в интеллектуальной состоятельности русского народа и в том, «Что может собственных Платонов/И быстрых разумом Невтонов/Российская земля рождать»¹⁰. Он верил, по образному выражению Н. В. Гоголя, в «сияющую будущность» России.

Развитие науки о человеке, перемещение центра тяжести стремительно развивающейся научно-технической революции на человеческие и социальные составляющие, резкое возрастание роли так называемого «человеческого фактора» является важной характеристикой современности. Это, в свою очередь, обуславливает потребность кардинальной перестройки гуманитарных и общественных наук, гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса на разных его ступенях, и в частности в высшей школе. Укрепление цивилизованных начал в современном обществе, увы, сталкивается со многими противостоящими вызовами. В их числе наркомания, организованная преступность, терроризм, которые приобрели сегодня качественно новый, транснациональный характер. И на эти опаснейшие вызовы человечество, если хочет жить и развиваться, должно найти адекватные ответы.

Сложный период переживает и наша страна, российское общество. С одной стороны, провозглашается приоритет общечеловеческих ценностей, развитие начал гражданского общества и правового государства, с другой, реалии современной жизни в России таковы, что по

⁷ Лебедев Е. Н. Михаил Васильевич Ломоносов. Ростов-на-Дону-Москва, 1997. С. 8.

⁸ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 169; Вернадский В. И. Избранные сочинения. В 5 томах. М., 1954–1960. Т. 1. С. 16.

⁹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 120.

многим основополагающим позициям мы, увы, оказались значительно дальше от провозглашённых идеалов, нежели каких-то 15–20 лет назад. Глубокий раскол «верхов» и «низов», стремительная криминализация общества, страшная коррупция, подобно раковой опухоли пожирающая всё живое, пренебрежение «новых русских» к закону и правам человека – всё это, увы, печальные реалии российской повседневности. Как тут не вспомнить М. В. Ломоносова, размышлявшего в далёком XVIII веке – когда в Европе уже формировались начала гражданского общества, а в России над этим только задумывались отдельные передовые представители общества – над взаимоотношениями и обязанностями власти и подданных, выработкой цивилизованных норм этих взаимоотношений, без которых общество и государство не могут двигаться вперёд по пути прогресса. Особые надежды Ломоносов возлагал, как уже упоминалось, на «просвещённого» монарха.

Хорошо известна борьба Ломоносова за правду с казавшейся несокрушимой бюрократией (где к тому же были широко представлены иноземцы, свысока смотревшие на всё русское), которая сочеталась вместе с тем с поисками союзников среди высокопоставленных сановников ради развития российского образования, науки и культуры, во имя будущего цивилизованного российского общества. Всё вышесказанное является, в свою очередь, частью большой и важной темы – взаимоотношений государства, общества и человека. В российской истории в этой триаде традиционно превалировало государственное начало. Общество веками было подчинено государству и в то же время жило по своим внутренним корпоративным законам. Человек же традиционно находился на втором плане российской истории. Этот характер взаимоотношений вызывал немало вопросов и размышлений у Ломоносова и его прогрессивных современников, ратовавших за развитие гражданских начал в обществе, ограничение всевластия государства и властей предрежащих, возрастание роли и развитие личности человека.

В передовых странах, вступивших в постиндустриальную, информационную эпоху развития, ценности науки и образования выдвигаются на первый план. Отечественная наука и сфера образования переживают в настоящее время сложный период¹¹. Разрыв декларируемых властью высоких целей и принципов с реальной политикой, хроническое недофинансирование этих жизненно важных сфер, определяющих прогресс общества, привели к ослаблению материально-технической и научно-экспериментальной базы науки и высшей школы, массовому оттоку (включая и выезд за рубеж) высококвалифицированных специалистов, талантливой молодёжи. Сегодня, кажется, происходит определённая переоценка ценностей, власть демонстрирует озабоченность ситуацией, сложившейся в образовании и науке. Последуют ли за этим реальные шаги по воплощению в жизнь декларированных намерений, покажет время.

Как не вспомнить опять жизнь и деятельность М. В. Ломоносова, его беззаветную борьбу за развитие отечественной науки и образования, его убеждённости во всемогуществе науки и способности научного знания проникнуть в глубь вещей, человеческого общества, служить на благо Отечества. «Он создал первый университет, – констатировал А. С. Пушкин и подчёркивал, оценивая вклад Ломоносова в развитие российской науки и образования: – Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»¹².

Сегодня мы переосмысливаем взаимоотношения между средней, высшей школой и наукой, строим новые мосты между ними, возвращаясь на этом – качественно новом – этапе к идеям и практическим действиям Петра I и М. В. Ломоносова, направленным на тесные и органичные отношения между гимназией, университетом и Академией наук, формирование, как мы говорим, единого научно-образовательного пространства.

¹¹ Подробнее авторская позиция изложена и аргументирована в: Голдин В. И. Богатству Севера наукой прирастать. М.-Архангельск, 2007; он же. Наука, науковедение и высшая школа. Архангельск, 2008.

¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. VII. С. 28.

Ломоносов ратовал за просвещение народа и много делал для народного образования и воспитания. В современной образовательной политике часто сознательно, или бессознательно, упускается прилагательное «народное», а оборотной стороной этого процесса становятся многие негативные явления нашей повседневности: стремительный взлёт беспризорности; миллионы детей оказались вне школы, и как следствие, во взрослую жизнь вступают люди, не получившие сколько-нибудь систематичного школьного образования и должного воспитания. Опаснейшие масштабы приобретает детская и подростковая преступность.

Весьма актуально звучит и целый ряд поднятых Ломоносовым социальных проблем. Например, его размышления «О сохранении и размножении российского народа» (1761) являются интересным социологическим, демографическим и этнографическим сочинением и оказались весьма злободневны в период быстрого и весьма опасного сокращения численности населения России в конце XX – начале XXI века. Не утратили ценности и рецепты исправления ситуации, адресованные Ломоносовым власти и обществу: истребление праздности, исправление нравов, улучшение ситуации в семье и в супружеских взаимоотношениях, распространение медицинских знаний, развитие здравоохранения, народного просвещения, земледелия, ремесел, предпринимательства, лучшая государственная экономия и др.¹³

М. В. Ломоносов был великим патриотом России, сторонником и борцом за её величие, державность. Об этом уместно вспомнить в нашу непростую эпоху, когда в 90-е годы минувшего века понятия «патриотизм», «государственность», «державность» стали синонимами политической нелояльности гражданина существующему режиму, воспринимались как «отрыжка» имперского мышления и коммунистического прошлого. Сегодня идёт трудная и мучительная переоценка ценностей, процесс собирания государственности. Как, например, сделать так, чтобы возродившееся государство и всевластная бюрократия вновь не задушили ростки общественности и гражданственности? Это острый и актуальный вопрос и для действующих политиков, и для общественных организаций, и для самих граждан. Во многом это вопрос правильного и адекватного прочтения и понимания своей истории и культуры, осознания исторических корней и корректных действий на основе знания и уважения прошлого. Горькая судьба истории в нашем Отечестве, когда недавно о неё в очередной раз пытались, образно говоря, вытереть ноги, как раз и ведёт к тому, что, по справедливому замечанию выдающегося российского историка В. О. Ключевского, история россиян ничему не учит, а лишь наказывает.

Ломоносов являл собой пример бережного и уважительного отношения к отечественной истории, был страстным защитником народа и государства российского и не раз вступал в острые схватки с оппонентами, особенно иностранцами. В 1748 году Ломоносов стал членом учрежденного Исторического собрания Академии наук. В 1749 году началась его знаменитая дискуссия с профессором Г. Ф. Миллером в связи с диссертацией последнего «Происхождение имени и народа российского». Отвечая на главный вопрос, нет ли в ней чего России предосудительного, Ломоносов высказал отрицательное суждение по поводу возможности публикации диссертации. Давая развёрнутую историческую, историографическую и источниковедческую критику сочинения Миллера, Ломоносов писал, в частности, что почти на каждой её странице «русских быют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнём и мечом истребляют». «Сие так чудно, – резюмировал он, – что ежели бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал столь бедным народом, каким ещё ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». «Все учёные тому дивиться станут, – завершал Ломоносов свой отзыв, – что древность, которую приписывают российскому народу и имени

¹³ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 383.

все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живёт в России и от ней великие благодеяния имеет»¹⁴.

Девять месяцев спустя, вторично освидетельствовав сочинение Миллера, Ломоносов высказал аналогичное суждение: «...оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит»¹⁵. Так или иначе, дискуссия объективно способствовала, образно говоря, погружению профессора химии Ломоносова в бурные воды истории. Результатом стали его раздумья на тему исторического прошлого России – «Наброски плана русской истории», а затем диалог с Вольтером по поводу работы последнего над рукописью «История Российской империи при Петре Великом» (1759–1763), и наконец, работа над рукописью «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года», напечатанная уже после смерти М. В. Ломоносова.

Разумеется, исторические взгляды Ломоносова ни в коей мере не следует идеализировать, ибо он сын своего времени. Нельзя, однако, не согласиться с его размышлениями о пользе истории и исторических знаний: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила». Лейтмотив же его рассуждений о российском историческом пути был сформулирован уже во вступительных строчках «Древней Российской истории»: «Народ российский от времён, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастье своём перемены, что ежели кто междуусобные и отвне нанесённые войны рассудит, в великое удивление придёт, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший ступень величества, могущества и славы достигнул»¹⁶.

Честное и объективное изучение исторических судеб России и русского народа необходимо для корректной самоидентификации государства и его граждан в период, когда страна должна адекватно отвечать на многие цивилизационные, внешние и внутренние вызовы, когда она ищет своё место в современном мире, пытается преодолеть традиционный для неё раскол, разрыв своего исторического и культурного времени.

Современные российские политики и государственные деятели всерьёз задумались, наконец, о содержании исторического образования, и в частности, об учебниках истории для школы. Критической оценке подвергаются многие существующие учебные пособия и сама практика, когда учебники, пишутся на средства иностранных грантов. Ведь, как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Своего рода «крестовый поход» на отечественную историю, развернувшийся в постсоветский период при активном участии Запада под лозунгом «избавления от мифов советской истории» и введения её «в цивилизованное мировое пространство», привёл в итоге к формированию новых мифов. Причём с 1990-х годов особым идеологическим и политическим атакам подверглась история Второй мировой войны, а призывы переписать её обосновывались необходимостью «устранить последний миф советской истории – миф о Великой Отечественной войне». При этом ветеранов, участников событий просто предпочитали не слушать.

Российское же государство и общество часто самоустранились от участия в обсуждении проблем исторического прошлого, содержания школьного исторического образования. Некачественные учебники, непроверенные, массово тиражируемые, материалы СМИ, рассчитанные, главным образом, на сенсацию или просто формально отрицающие старые истины, введение ЕГЭ по истории, где формальное заучивание дат стоит выше понимания существа исторических процессов, формирования исторической культуры, – это и многое другое при-

¹⁴ Там же. С. 19, 21, 42.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 169.

вело к искажению истории, формированию современного поколения Иванов, не помнящих родства.

Создание комиссии РАН по изучению учебников, учреждение Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России – это лишь некоторые из предпринятых в последнее время мер. Как не вспомнить в связи с этим ту борьбу, которую непримиримо вёл М. В. Ломоносов в течение всей жизни против «искажителей» отечественной истории, прекрасно осознавая роль и значение её для формирования нового поколения людей, гражданского воспитания, развития российской национальной культуры. Однако важно не впасть в другую крайность, когда государство вновь введёт жёсткую цензуру на печать, средства массовой информации, ограничит возможности работы историков в архивах, доступ к ценным рассекречиваемым документальным коллекциям и пр.

Ломоносов, живя и действуя в эпоху перехода России от старой средневековой культуры к культуре Нового времени, исключительно много сделал для формирования передовой отечественной национальной культуры. Он стремился внести в Россию лучшие традиции европейской научной мысли, культуры, просвещения, совмещая их по возможности (чтобы не произошло механического отторжения) с российскими православными традициями, основами отечественной национальной культуры. Сам Ломоносов стал вдохновляющим примером подобного плодотворного сочетания разных духовных традиций и многогранной творческой созидательной деятельности. Он успешно продолжил начатое Петром I дело по введению России в новую эпоху культурного и экономического цивилизационного развития.

Ломоносов заложил основы современной русской филологии и литературы. Здесь он приобрёл славу лидера ещё при жизни и, по справедливому выражению В. Г. Белинского, стал «Петром Великим» российской литературы, дал направление «нашему языку и нашей литературе»¹⁷. Напоминание о том, что М. В. Ломоносов создал основы современного русского литературного языка, может стать хорошим поводом для обсуждения его состояния сегодня, тем более в контексте быстрого загрязнения этого языка, с одной стороны, и попыток реформирования, с другой. Представляется необходимой максимальная аккуратность и деликатность в осуществлении реформ в этом важном вопросе, ни в коем случае не следует допускать поспешности, ибо русский язык – основа нашей культуры.

Размышления о Ломоносове как о патриоте и популяризаторе русского языка в мире актуальны сегодня с той точки зрения, что мы живём в период определённого «угасания», утраты его былых позиций в мире. Это является предметом серьёзной озабоченности видных деятелей культуры, да и руководителей страны. При всей значимости акций вроде провозглашения Года русского языка, необходима повседневная, кропотливая и систематическая работа, направленная на популяризацию и укрепление позиций русского языка в странах СНГ и в целом в пространстве бывшего СССР, в Евразии и на других континентах. Русский язык должен стать связующим звеном для разных поколений русских эмигрантов, способствовать формированию и укреплению позиций Русского мира в пространстве современной цивилизации¹⁸.

Весьма интересны и актуальны для нас, земляков М. В. Ломоносова, его идеи и предвидения, касающиеся Русского Севера. Его собственный опыт плаваний в северных водах, последующие размышления как учёного и, наконец, руководителя Географического департамента Российской Академии наук воплотились в знаменитое сочинение «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1762). Завершая этот труд, Ломоносов пророчески писал: «Таким

¹⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. В 15 томах. М., 1953. Т. 1. С. 45.

¹⁸ Пивовар Е. И. Границы Русского мира//Родина. 2009. № 4. С. 4–6; он же. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

образом, путь и надежда чужим пресечётся, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹⁹.

Ломоносов пришёл к выводу о возможности плаваний по Северному Ледовитому океану и освоения Северного морского пути, сформулировав это как в строго научной, так и в поэтической форме в «Оде на торжественный день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года»:

*Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает Рок*²⁰.

Размышления и предсказания Ломоносова подтвердила последующая история, в первую очередь XX века, ставшего временем бурного и успешного освоения Советским Союзом Арктики и Северного морского пути. Сегодня проблемы дальнейшего освоения Русского Севера, возрождения и реализации принципиально новых возможностей Северного морского пути стоят чрезвычайно остро и актуально. XXI век многие исследователи называют Веком Арктики. Действительно, здесь и в прилегающих районах сосредоточены колоссальные природные и топливно-сырьевые ресурсы, но центр тяжести дискуссий смещается сегодня в сторону того, как ими распорядиться. Это требует грамотной и дальновидной политики и, в свою очередь, связано с вопросом о том, какую стратегию развития выберет Россия и её руководство. Станет ли она (и прежде всего её северные территории) сырьевой данницей развитых стран (а возможно, и огромной свалкой для захоронения их промышленных отходов) или же будет развивать собственную обрабатывающую промышленность, внедрять новые наукоёмкие технологии, изберёт в конечном счёте стратегию развития, а не выживания. Будущее Севера с его чрезвычайно ранимой природной средой и судьба северян (возможность или невозможность жизни на своей земле) будут в решающей степени зависеть от сделанного выбора. Так или иначе, тема «нового великого» освоения Севера и обеспечения его устойчивого развития уже стала предметом развернувшихся сегодня острых дискуссий вокруг арктических территорий. В этих условиях в нашей стране был разработан и утверждён 18 сентября 2008 года Президентом РФ документ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу». Его последовательное воплощение в жизнь призвано укрепить российские позиции в этом стратегически важном районе нашей планеты.

Анализ научного наследия Ломоносова убеждает, что он, как человек, выросший на Севере и прекрасно знавший его природу, особенности среды обитания, местные традиции и культуру, исповедовавший экологическое мышление, в современных условиях, несомненно, сделал бы выбор в пользу бережного комплексного освоения региона, укрепления его научного потенциала, целостного решения экономических и социальных вопросов и развития необходимой инфраструктуры, благодаря чему стало бы возможным сохранение здесь полноценной жизни населения, а отнюдь не в пользу скоротечной выкачки природно-сырьевых ресурсов преимущественно вахтовым методом и массового выселения местного населения в центральные районы страны.

С детства познавший сложные премудрости северного мореплавания, Ломоносов обращался к этим проблемам и в зрелые годы, выступая уже как учёный и организатор северной

¹⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 498.

²⁰ Ломоносов М. В. Избранные произведения. С. 136.

морской экспедиции. Его «Рассуждения о большой точности морского пути» (1759) явились, по мнению специалистов, замечательным произведением, опередившим науку XVIII века на столетие и не утратившим значения в XX веке²¹. Ломоносов указывал на необходимость тщательного изучения морей и океанов, разработки и внедрения более совершенных мореходных инструментов и методов кораблевождения для облегчения мореплавания, выявления причин изменения природных условий.

Созидательная практическая деятельность Ломоносова была столь же многогранна, колоссальна и разнообразна, как и *его* учёные труды. Он стал организатором первой в России научной лаборатории, создал фабрику стеклянных изделий, занимался налаживанием производства цветного стекла, мозаичным искусством, организацией географического изучения России и её картографией, приборостроением, ведал снаряжением морских и астрономических экспедиций, наблюдал за лексикографической работой Академии наук, участвовал в работе по учёту и описанию памятников древнерусского искусства. Более 20 лет занимался переустройством Академии наук, писал и добивался проведения в жизнь проектов, направленных на совершенствование и повышение эффективности её деятельности, на протяжении ряда лет руководил учебной частью академии, добиваясь взаимодействия науки и просвещения народа как такового. Одним из важнейших дел его жизни, которым он прославил себя в веках, становится учреждение Московского университета.

Ломоносов осознавал всю меру ответственности учёных перед обществом и был убеждён, что именно успехи в науках и образовании обеспечат будущность России: «Честь российского народа требует, чтобы показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний»²². Будучи уверенным в способностях россиян к наукам, М. В. Ломоносов полагал, что к услугам иностранных учёных надо прибегать очень аккуратно, привлекая и используя в России лишь самых достойных, до тех пор «пока из природных россиян учёные умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать». «Адъютантов, – добавлял он, – всегда производить из природных россиян»²³.

Жизнь, научное и культурное наследие М. В. Ломоносова не нуждаются в славословии и идеализации, но по-прежнему остаются актуальным предметом для критического и вдумчивого изучения, являются примером созидательного и жизнеутверждающего творчества, преодоления многочисленных преград, как объективного, так и субъективного характера, которых, увы, немало и в нашей современной жизни. Но именно от развития науки и прогресса образования, преодоления культурного разъединения современного российского общества, от силы духа и воли россиян в решающей степени будет зависеть будущее нашей страны.

²¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 744.

²² Там же. Т. 10. С. 141–142.

²³ Там же. С. 142.

Н. А. Шумилов

Куростровские корни рода

В 2011 году мы отмечаем 300-летие со дня рождения человека, которым гордились и гордятся многие поколения его земляков, имя которого носят два российских университета – Московский и Поморский.

Великим Помором называют историки, краеведы и все северяне Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) – академика, учёного-энциклопедиста, от рубленой крестьянской избы шагнувшего к самым блистательным вершинам отечественной и мировой науки. Третье столетие не угасает интерес к его необычной судьбе, к корням могучего рода, подарившего гениального сына российской земле и всему просвещённому человечеству.

Существует несколько версий происхождения фамилии Ломоносов: от названия цветка ломонос, январского праздника Афанасий Ломонос, а также от уличного прозвища «Ломаный Нос» или «Ломонос» (человек, ломающий носы, или тот, кому сломали нос).

Впервые прозвище в форме Ломоносой встречается в Ипатьевской летописи 1273 года: полководец сына Даниила Галицкого Мстислава боярин Володислав III Ломоносой из известнейшего галицкого боярского рода Кормиличичей совершает успешный поход на прибалтийское племя ятвягов в Судовии²⁴. Не оттого ли один из правителей Судовии Гланда Камбила Дивонович в 1286 году покинул родные края и чуть позже, уже в Москве, крестился под именем Ивана, стал отцом московского боярина Андрея Ивановича Кобылы – родоначальника российской царской и императорской династии Романовых? От князя Ивана Андреевича Львова по прозвищу «Ломонос» из ярославских Рюриковичей пошли дворяне Ломоносовы, со временем утратившие княжеский титул²⁵.

Упоминаются в письменных источниках и другие Ломоносовы: в 1670–1680 годах в списках сибирского казачества встречается имя казака Петра Ломоносова, а в 1726 году казак Тобольского военного гарнизона Степан Ломоносов сопровождал экспедицию В. Беринга до Охотска, откуда отпущен Берингом по болезни²⁶; в 1863 году богатый рижский купец Григорий Семёнович Ломоносов сделал пристройку к старообрядческой церкви Гребенщиковской общины, о чём сегодня напоминает мраморная плита²⁷; в 1902-м некий служащий Государственного банка в Петербурге Алексей Михайлович Ломоносов пожертвовал для Куростровской церкви полный набор священных сосудов²⁸. Родственные связи между ними и предками Михаила Васильевича Ломоносова не установлены.

Несомненно, что уже в XIX веке существовало несколько родов Ломоносовых. Например, фамилию Ломоносов носил лицейский товарищ А. С. Пушкина, дипломат, посланник в Гаагу – Сергей Григорьевич (1799–1857), Константин Николаевич Ломоносов (1838–?) – депутат III Государственной Думы в 1907–1912 годах, помещик Елатомского уезда Тамбовской губернии, профессор Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952), автор «Воспоминаний о мартовской революции 1917 года»²⁹, сохранил для истории манифест об отречении от престола Императора Николая II.

²⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1843. Т. 2. С. 205.

²⁵ Дворянское собрание. Альманах. № 1, 1994. С. 189.

²⁶ Белов М. И. О родине Ломоносова по новым материалам//Ломоносов. Сб. статей и материалов. Т. 3. М.-Л., 1951. С. 226–245.

²⁷ Волна. 1991. 14 ноября (спецвыпуск). С. 7.

²⁸ Государственный архив Архангельской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–2.

²⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 240; Члены Государственной думы (портреты и биографии)/Сост. М. М. Боиович. М., 1913. С. 337; Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927. С. 213; Ломоносов Ю. В. Вос-

Закрепление фамилий, полученных от прозвищ, проходило разными путями. В боярской семье Кобылиных-Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых отец имел прозвище «Жеребец», а сын «Кобыла». Артемий Лобцов получил фамилию от прозвища отца Василия, деда или прадеда «Лобец» (за высокий лоб, ум, упрямый характер), а сын Леонтий мог получить прозвище «Ломаный Нос» или «Ломонос».

У Романовых прозвища пошли по «конской» линии, у Ломоносовых – по «лицевой» (от лба к носу; в этом поддержал автора вологодский историк Ю. С. Васильев). Почему фамилия Лобцов не укоренилась и сменилась фамилией Ломоносов, неизвестно, возможно, просто более позднее прозвище вытеснило раннее (возьмём, например, прозвища, сменявшие друг друга в боярском роде Романовых, пока последняя не закрепились как фамилия).

В писцовой книге 1622–1623 годов двинского писца Мирона Андреевича Вельяминова, на ломоносовской родине Курострове, родная деревня Михаила Васильевича Мишанинская (или, возможно, Чёрная Гора) описана так: «Деревня Мишанинская, а в ней крестьяне: (двор) Ивашко Меркурьев сын Оловяничник; (двор) Мишка Ермолин сын Лопаткин; (двор) Федка Степанов сын Костянтинов. У него сын Сенка; (двор) Омелянко, да Степанко Калинины дети Еремеева; (двор) Яков Лаврентьев сын Чирцов; (двор) Первушка Еремеев сын Офтономов; (двор) Васка Ермолин сын Лопаткин; (двор; вдова Настасида Фомина жена Мишки Титова сына Ушакова: а пашни паханы сей с отхожею пашнею, что на Зацепине и в Нальё-острове, средние земли три чети без полутретника, да худые земли четь и четыре осьмины, да перелогу худые земли четыре чети, да водою отмыло осьмина в поле... потомуж, сена в Нальё-острове семь копен, лесу непашенного по реке Двине... десятина... а в песте четверть, да водою отмыло... полчетверти»³⁰.

В деревне всего восемь крестьянских дворов, где жили Меркурьевы, Лопаткины, Константиновы, Еремеевы, Чирцовы, Автономовы и Ушаковы. Оловяничник (видимо, медный мастер). В деревне два двора братьев Лопаткиных, будущих соседей и родственников Ломоносовых, Михаила и Василия Ермолаевичей. Горшечник Мина Ермолаевич Лопаткин, упоминаемый в 1600 году в Куростровских столбцах, возможно, является их братом. В 1642 году у некоего Терентия Лопаткина, возможно, сына одного из братьев, родился сын Семён. Сам Терентий родился после 1623 года, женился в 18 лет. Так родословную Лопаткиных можно «состарить» ещё на два поколения. Как видим, ни Ломоносовых, ни Лобцовых в деревне Мишанинской нет.

На западе от Мишанинской находилась деревня Поколотовская (Красное Село). С востока примыкала деревня Денисовская (Денисовка, Болото), за ней лежали деревни Афанасьевская и Григорьевская. На пригорке стояла Дмитриевская церковь, а за нею деревни Розлог и Луховская (Подгорье, Дудины). Недалеко деревни Алфёровская, Заулицкая, Калитинская, Настасьинская, Палишинская, Тючковская (Малое Залесье), Щипачёвская.

Истоки ломоносовского рода, история его появления на Русском Севере пока, к сожалению, изучены недостаточно. Предполагаемый предок куростровских Ломоносовых Артемий (имел ли он фамилию Ломоносов и откуда родом – неизвестно) жил предположительно во второй половине XVI – первой половине XVII века. Его сын Леонтий, родившийся в начале XVII века, в 1678 году с сыновьями значится жителем деревни Мишанинской. Носил ли он фамилию Ломоносов – также неизвестно.

В Куростровских столбцах XVI века, опубликованных А. И. Копанёвым, фамилия Ломоносовых на Курострове не значится. Однако в 1589 и 1600 годах упоминается крестьянин Артемий Васильевич Лобцов³¹. На это обратил внимание автора краевед Е. Ф. Колтовой. Весьма вероятно, что это и есть родоначальник Ломоносовых.

поминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм-Берлин, 1921. С. 57–60.

³⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10. Л. 124–125.

³¹ Копанев А. И. Кур островские столбцы//Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 398–431.

Впервые род Ломоносовых упоминается в письменных источниках за 1678 год в переписной книге Архангельска и Холмогор, составленной 30 августа, где по деревне Мишанинской значатся: «Во дворе Лёвка Артемьев; у него три сына: Юдка, Лучка и Дорошка, у него ж Лёвки, три внука: Ивашка, Фомка и Афонька, десяти лет, Ивановы дети». По мнению историков, здесь описка писца. Должно стоять: «Дорофеевы дети». И фамилия Ломоносовы у них ещё не показана³².

Отсюда следует, что родоначальник куростровских Ломоносовых Артемий жил во второй половине XVI – первой половине XVII века. Возможно, он или его сын Леонтий первым пришёл на Куростров, а откуда пришёл – неизвестно. Неизвестно также имел или не имел прозвище Артемий или Леонтий «Ломаный Нос», от которого Леонтий мог получить фамилию Ломоносов. Вероятность того, что Артемий Ломоносов, пришлый человек с фамилией Ломоносов, а не местный крестьянин Артемий Васильевич Лобцов, также остаётся. По реконструкции московского генеалога А. Н. Нарбута Артемий родился около 1580 года, его сын Леонтий – около 1615-го³³.

В Переписной книге Архангельска и Холмогор 1710 года впервые звучит фамилия Ломоносов: «На деревне Мишанинской: <д>вор.

Лука Леонтьев сын Ломоносов штидесяти пяти лет, у него жена Матрона пятидесяти восьми лет, сын Иван двенатцати лет, две дочери: Марья пят<н>атцати лет, Татьяна восьми лет, земли верев<ной> тритцать три сажени; у него ж житель на подворьи Василей Дорофеев сын Ломоносов тритцати лет, холост; у него земли тритцать четыре сажени»³⁴. В начале XVIII века в деревне Мишанинской было всего пять дворов, один из них принадлежал Ломоносовым.

Крестьяне Ломоносовы, как и многие поморы, занимались сельским хозяйством и морским промыслом. Наиболее известен Лука Леонтьевич Ломоносов (около 1646–1727), опытный мореход и промышленник, он пользовался доверием земляков, в 1701 году избран церковным старостой Куростровского прихода, в 1703 и 1713 годах двинский земский староста (Околопосадской трети Двинского уезда). Его племянник Василий Дорофеевич (1681–1741) рано лишился родителей и до 1720 года жил в доме дяди Луки, куда в 1710 году привёл молодую жену Елену Ивановну Сивкову (1690–1719?), дочь умершего дьякона Николаевских Матигор Ивана Сивкова (? – до 1708) и просвирни Маремьяны (1656 – после 1710). Здесь же, в доме дяди, родился их единственный сын Михаил, будущий академик³⁵.

Около 1720 года Василий Дорофеевич отделился от дяди, переехал в собственный дом, куда привёл новую жену Федору Михайловну Узкую (?-1724), дочь крестьянина деревни Гридинская из Троицкого Ухтострова. Родив сына Ивана, о судьбе которого ничего неизвестно, первая мачеха Ломоносова вскоре умерла. Не дождавшись окончания траура, отец женился третий раз на вдове Ирине Семёновне Корельской (?-1732; фамилия по первому мужу неизвестна), дочери экономического крестьянина вотчины Антониево-Сийского монастыря Семёна Корельского (1681 – после 1745) из деревни Осиновый Бор. «Лихая» мачеха Ломоносова умерла через два года после его ухода из дома, родив ему сводную сестру Марию (1732–1807)³⁶.

В 1727 году Василий Дорофеевич первым из поморов построил «новоманерный» гукор (галиот) «Святой Архангел Михаил», получивший за отличные мореходные качества «улис-

³² Белов М. И. Указ. соч. С. 364–369.

³³ Нарбут А. Н. Род и потомки М. В. Ломоносова. Родословные росписи. Вып. 11. М., 2003. С. 5.

³⁴ Белов М. И. Указ. соч. С. 238.

³⁵ Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 211–212, 432.

³⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 191. Л. 2 об.; там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 3824. Л. 538 об. – 543.

ное» (уличное, домашнее) прозвище «Чайка». Осенью 1740 года он ушёл на промысел в море и не вернулся³⁷.

Михаил Васильевич Ломоносов родился 19 (8) ноября 1711 года в доме Луки Леонтьевича. Его первыми учителями стали мать Елена Ивановна (?), сосед Иван Афанасьевич Шубный (или Шубной) и куростровский дьячок Семён Никитич Сабельников. Учился Ломоносов по книгам, выпрошенным у братьев Дудиных из деревни Луховская: «Арифметике» Л. Магницкого, «Грамматике» М. Смотрицкого и «Псалтыри» С. Полоцкого, ставшими, по образному выражению самого учёного, «вратами его учёности». Затем учёба в Москве в Славяно-греко-латинской академии, в Петербургской академии наук, за границей в Германии (города Марбург и Фрейберг). В великой бедности прошли ранние ученические годы: «...имея один алтын в день жалования... нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил»³⁸.

В Марбурге Ломоносов женился на Елизавете-Христине Цильх (1720–1766), дочери марбургского пивовара, члена Городской думы и церковного старосты реформатской церкви Марбурга Генриха Цильха и Екатерины-Елизаветы (урождённой Зергель)³⁹.

После учёбы в Марбурге у великого Христиана Вольфа (1679–1754) Ломоносова ждали трудные годы знакомства с горным делом во Фрейберге у горного советника Иоганна Фридриха Генкеля (1678–1744), обладавшего непростым характером. Затем скитания по Германии и Голландии в попытках вернуться на родину.

В Россию Ломоносов вернулся в 1741 году и стал адъюнктом Петербургской академии наук, а в 1745-м – профессором химии, академиком. В 1760 году избран иностранным членом Шведской королевской академии наук, в 1763-м – почётным членом Императорской Академии трёх знатнейших художеств, а в 1764 году – Академии наук Болонского института.

Умер от простуды и «ножной болезни» (полиартрита) 4 (15 по новому стилю) апреля 1765 года. Проводить великого учёного вышел почти весь мыслящий Петербург. Похоронен Ломоносов 8 (19) апреля на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На могиле его другом, бывшим канцлером, графом М. Т. Воронцовым поставлен памятник итальянского (каррарского) мрамора с эпитафией искусствоведа и гравёра академика Я. Я. Штелина⁴⁰.

В 1855 году, когда отмечалось 100-летие основания Московского университета, всю Россию облетели ставшие крылатыми некрасовские строки из стихотворения «Школьник»:

*Скоро сам узнаешь в школе.
Как архангельский мужик,
По своей и Божьей воле,
Стал разумен и велик...*

У Михаила Васильевича и Елизаветы Андреевны было шестеро детей: сын Иван (родился и умер в Марбурге в 1742 году), со смертью которого род Ломоносова пресёкся по мужской линии, дочери Екатерина-Елизавета (1739 – после 1743), Елена (1749–1772), Софья (?-?) и двое неизвестных младенцев.

³⁷ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова/Под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского и В. Л. Ченакала. Составители: под рук. В. Л. Ченакала, Г. А. Андреева (за 1711–1744 гг.), Г. Е. Павлова (за 1745–1756 гг.) и Н. В. Соколова (за 1757–1765 гг.). М.-Л., 1961. С. 59.

³⁸ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. М.-Л., 1950–1959, 1983. Т. 10. С. 481–482.

³⁹ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. С. 35, 42.

⁴⁰ Верёвкин М. И. Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова//Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений. СПб., 1786. Ч. 1. С. III–XVIII.

Потомство Ломоносова пошло от дочери Елены, вышедшей замуж за ученика Ломоносова, библиотекаря Екатерины II Алексея Алексеевича Константинова (1728–1808): Волконские, Орловы, Раевские, графы Ностиц, Толстые, Толстые-Милославские, Шиловы, князья Карловы, Киселёвы, Котляревские, Кочубеи, Уваровы, Яшвилль, герцоги Мекленбургских, принцы Изенбургских и многие другие. Они состояли в родстве с эрцгерцогами Австрийскими из рода Габсбургов, с королями Египта, с потомками светлейшего князя А. Д. Меншикова, полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова, реформатора П. А. Столыпина. Это дворянская или аристократическая ветвь рода Ломоносовых⁴¹.

Сводная сестра Ломоносова Мария Васильевна родилась в деревне Мишанинской, вскоре потеряла мать. Неизвестно, кто помогал отцу растить девочку. Возможно, Василий Дорофеевич взял для неё няньку или кормилицу. В 1740 году, перед уходом в море, отец распродал имущество: дом и двор с хозяйственными постройками, земельный надел (пашню и покосы). Перед этим отправил восьмилетнюю Машу Ломоносову в матигорскую деревню Осиновый Бор в большую семью тестя, Машиного деда Семёна Корельского. Может быть, он делал это ранее. В 1745 году Семён (отчество неизвестно) был ещё жив, что подтверждает сохранившаяся в областном государственном архиве ревизская сказка⁴².

Около 1749 года семнадцатилетнюю сироту сосватали в тех же Николаевских Матигорах за черносошного крестьянина из деревни Хетка (Водниковская) двадцатитрёхлетнего Евсея Фёдоровича Головина (1724/1726–1794). На Курострове, да и в Матигорах, знали о блестящей карьере Михаила Ломоносова, ставшего в 1745 году академиком, поэтому и жениха Маше выбрали из зажиточного и уважаемого в Матигорах рода. Видимо и Михаил Васильевич, почти никогда не имевший излишних средств, помог сестре деньгами, переслав их с постоянно навещавшими его земляками. Все последующие годы Ломоносов проявлял к сводной сестре тёплое дружеское участие, хотя она и была дочерью «лихой» мачехи.

От этого брака у четы Головиных родилось четверо детей: Матрёна (1750–1830), Михаил (1756–1790), Анна (1757–1776) и Пётр (1762–1811). От дочерей и младшего сына Петра пошли многочисленные потомки Марии Васильевны: Головины, Лопаткины, Титовы, Галовы, Третьяковы, Доронины, Самойловы, Ершовы, Тарховы, Быковы, Олоховы, Пекишевы, Архиповы, Матафановы, Спиридоновы – в основном крестьяне, совсем немного мещан, а тем более – купцов⁴³.

В начале 1760-х маленькая Матрёна была отправлена в Петербург к дяде. В большом доме на Мойке ей было доверено заведовать погребом. В 1765 году Ломоносов вызвал к себе в Петербург своего крестника Михаила и хлопотал о продолжении племянником образования (начальное уже было получено на родине). Двадцать восьмого февраля Ломоносов определил приехавшего племянника на казённое содержание в Академическую гимназию. И 1 марта посетил её, чтобы посмотреть, как устроен в общежитии племянник. На следующий день Ломоносов написал сестре в Матигоры письмо – как оказалось, последнее адресованное ей. Дружеские и тёплые слова брата звучали пророчески: «Государыня моя сестрица, Мария Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми». Так и оказалось, Мария Васильевна Головина прожила в крестьянстве долгую жизнь, изумляя заезжих путешественников известием, что сестра Ломоносова «всё ещё жива»⁴⁴.

Любопытна приписка Ломоносова: «Я часто выдаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или ещё и без нужды

⁴¹ Модзалевский Б. Л. Род и потомство Ломоносова//Ломоносовский сборник: 1711–1911. СПб., 1911. С. 331–344.

⁴² Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 3824. Л. 538 об. – 543.

⁴³ Голубцов Н. Род М. В. Ломоносова и его потомство//Ломоносовский сборник. Архангельск, 1911. С. 30–39; Памятная книжка Архангельской губернии на 1911 год//Ломоносовский сборник. С. 30–40.

⁴⁴ Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник. СПб., 1886. С. 122–125.

можете его превосходительству поклониться, Евсей Фёдорович или ты сама. Жена и дочь вам кланяются»⁴⁵.

Упомянутый в письме генерал-майор Егор Андреевич Головцын, архангелогородский губернатор в 1763–1780 годах. Его «старая дружба» с Ломоносовым не изучена совершенно. Наш первый северный историк Василий Васильевич Крестинин (1729–1795) позднее не очень одобрительно отзывался о правлении Головцына. Любопытна личность Егора Андреевича, ибо Ломоносов предлагает свояку и сестре навещать губернатора «в случае нужды или ещё и без нужды». Трудно представить, как простой крестьянин без нужды, запросто, зайдёт повидать губернатора.

Многое в жизни сестры Ломоносова ещё требует изучения. Вероятно, она была свидетельницей запустения родительского дома. В 1791 году русский путешественник и просветитель П. И. Челищев (1745–1811), посетив Куростров, увидел «лежащее печально» место ломоносовского дома: от проданного в 1740 году Василием Дорофеевичем ровдогорскому крестьянину Ивану Шубному через 51 год ничего не осталось. Земля принадлежала крестьянину Андрею Михайловичу Шубному, двоюродному брату знаменитого скульптора академика Федота Шубина. Он ли или его отец приобрёл усадьбу вместе с ломоносовским архивом – неизвестно. Его внучка Дарья Григорьевна Шубная (1792–1868) вышла в Матигорах за последнего Головина – Ивана Петровича (1787–1823?) и передала в 1860-х годах унаследованный ею ломоносовский хозяйственный архив, вместе с архивом Головиных, этнографу П. С. Ефименко. Ефименко частично опубликовал его в «Архангельских губернских ведомостях». Судьба самого ломоносовского домашнего архива пока не установлена⁴⁶.

Достойный преемник дяди, выдающийся русский математик Михаил Евсеевич Головин умер в Петербурге 8 июня 1790 года после длительной болезни, «одиноким, в тяжкой нужде». А зимой следующего года Мария Васильевна прибыла в Петербург навестить дорогие могилы сына и брата, мужественно решившись по примеру старшего брата на трудное путешествие. Тогда же она обратилась с письмом к графу Петру Васильевичу Завадовскому (1739–1812), кабинет-секретарю Екатерины II, возглавлявшему в то время Комиссию об учреждении училищ. Прекрасные слова о брате звучат в первых же строках письма: «Милостивый государь! Бессчастная старуха, не осушавшая глаз своих по брате, украшавшем рода своего отчизну, рыдает ныне по сыне». Двадцать пять лет не осушала слёз о великом патриоте земли русской сестра Ломоносова, называя его украшением Отчизны⁴⁷.

Остаётся без ответа вопрос многих исследователей: почему Ломоносов после ухода в Москву не побывал на родине? Его сестра, если уж дошла до Петербурга, то до родного Курострова, вероятно, добиралась не раз.

Мария Васильевна Головина умерла в доме младшего сына Петра Евсеевича Головина, окружённая внуками и правнуками, в деревне Хетка 25(?) октября 1807 года после долгой болезни в возрасте 75 лет и похоронена 27 октября на приходском Верхнематигорском кладбище, вероятно, рядом с могилой мужа, умершего в 1797 году⁴⁸.

С её смертью род куростровских Ломоносовых угас и по женской линии, оставив немеркнущую память о первом российском академике.

Не стало на Курострове носителей славной фамилии. Но осталось по всему миру потомство Михаила Васильевича Ломоносова и его сводной сестры. Наиболее известны правнуки Ломоносова: братья и сестры Раевские, дети героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского Старшего (участники Отечественной войны 1812 года полковник,

⁴⁵ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 598–599.

⁴⁶ Ефименко П. Семейные бумаги Ломоносовых//Архангельские губернские ведомости. 1885. 2,6,9 ноября.

⁴⁷ Лукина Т. А. Неизвестные документы о сестре Ломоносова М. В. Головиной и его племянниках М. Е. и П. Е. Головиных//Сб. Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы АН СССР. М.-Л., 1962. С. 292–299.

⁴⁸ Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 28. Д. 76. Л. 41 об.

камергер Александр и генерал-лейтенант Николай (1801–1843), а также сыновья генерала Н. Н. Раевского Младшего (Николай (1839–1876), полковник, писатель, участник Сербско-черногорско-турецкой войны 1876 года; Михаил (1841–1893), генерал-майор, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и освобождения Болгарии от Османского ига), отец и сын Волконские (Михаил Сергеевич (1832–1909), товарищ министра народного просвещения, обер-гофмейстер и член Государственного Совета; Сергей Михайлович (1860–1937), камергер, действительный статский советник, писатель, театральный критик, театровед, путешественник, автор воспоминаний, учитель Марины Цветаевой).

Среди потомства сестры великого учёного выделяются его племянники и их дети: косторезы Лопаткины, мещане и купцы Ершovy.

Таким образом, Ломоносовы – и дворяне, и крестьяне – оставили добрый след в истории Отечества. Однако имя подвижника отечественной науки, просветителя, учёного-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова остаётся ярчайшим в истории России.

Н. И. Николаев

Архитектоника мира поступка русского учёного

В биографиях М. В. Ломоносова – в различных интерпретациях, будь то адаптированное для широкого читателя изложение или претендующее на строгую, научно выверенную трактовку фактов исследование, – хотя и с разной степенью очевидности, неизменно ощущается стремление мифологизировать образ учёного. То обстоятельство, что построения реальной биографии М. В. Ломоносова до сих пор осуществляются под заметным воздействием ломоносовского мифа, очевидно и уже обратило на себя внимание многих исследователей его жизни и творчества. Справедливости ради следует отметить, что ни одному из исследователей не удалось в полной мере избежать этого воздействия.

Доктор исторических наук Виктор Маркович Живов (род. 1945) как-то заметил, что ломоносовская биография «воссоздается по своего рода агиографическому канону. Как некий святой наделяется врождённым стремлением к праведности, отстраняющей его от бессмыслицы детских игр, так и Ломоносову приписывается некое врождённое просветительство: тяга к учению и литературному труду, восторженное отношение к петровским преобразованиям и рациональная недоверчивость к религиозной догме»⁴⁹. Таким образом построенный миф, несомненно, возвышает героя, оттеняет значительное, вневременное, придаёт ему очевидную монументальность. Только в случае с М. В. Ломоносовым создаётся ощущение, что он одновременно что-то размыкает в этом образе, отвлекает от чего-то чрезвычайно существенного, не позволяет сфокусировать внимание на какой-то очень важной составляющей портрета.

При этом сам миф о Ломоносове при ближайшем рассмотрении оказывается исторически подвижным, изменчивым, конъюнктурным. Наиболее отчётливо это прослеживается в поэтических версиях биографии учёного.

Вот один из наиболее ранних посмертных поэтических откликов. В 1765 году – год смерти Ломоносова – граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789) находился во Франции. Потрясённый известием, он пишет «Оду на смерть Ломоносова» на французском языке, которую позднее преподнесёт Вольтеру. Поэтического перевода этого произведения на русский язык нет, поэтому воспользуемся несколько грубоватым и прямолинейным построчным:

*В наших замороженных пустынях,
в наших сырых логовах,
Лишённый любой помощи, без образца
и без руководителя,
Он первым осмелился развивать
прекрасные Искусства,
И глубина Греции
Струилась
В наши счастливые оплоты.*

Очевидны основные смысловые акценты оды Шувалова, воссоздающие первоначальные очертания ломоносовского мифа: рождён в окружении «цивилизационной пустоты» и в этой пустоте является единственным источником перерождения, животворящей перспективы. В таком же смысловом ключе решены практически все оценки Ломоносова второй половины XVIII – первой половины XIX века.

⁴⁹ Живов В. Первые русские литературные биографии//Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 41.

Широко известно написанное в эпистолярной форме воспоминание российского общественного деятеля и писателя М. Н. Муравьёва (1757–1807) о посещении им в 1770–1771 годах родины Ломоносова. Доминирующая тональность вынесенных впечатлений – удивление тому, что в таких условиях мог родиться столь «блистательный разум»: «Как! В хижине земледельца, в состоянии, посвященном ежедневному труду, далеко от всех способов просвещения, от искусств, от общества – родится разум, обогащенный всеми дарованиями, всеми способностями, которому суждено открыть поприще писмен в своём обществе?»⁵⁰

Ощущение пустоты слышится в «Описании родины Ломоносова» писателя П. И. Челищева (1745–1811), посетившего её через 20 лет после Муравьёва: «Я ездил с городничим и почтмейстером на то место, где родился помянутый Михаила Васильевич Ломоносов, и любопытствовал, не увижу ль каких отменных на нём знаков, но не нашёл ничего...»⁵¹

Современник Ломоносова и его противник в академической среде Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) писал позднее о нём с нескрываемой иронией: «Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 году в Холмогорах, которые теперь деревня на острове Двины, а до построения Архангельска были главным пунктом тамошнего конца света»⁵². Эта оценка, по существу, всего лишь иронически заострённая, но совершенно не выпадающая из общего контекста суждений, подчёркивающих пустоту, окружающую при рождении гения. Далее у Шлёцера как бы в подтверждение этой мысли: «Ломоносов был действительный гений, который мог сделать честь всему Северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты»⁵³.

Тезис о «независимости гения от долготы и широты» слышен во множестве восторженных откликов о Ломоносове, и это, как правило, своеобразное развитие положения о «цивилизационной пустоте», в которой он родился, а вовсе не намёк на оплодотворяющую связь с загадочным и великим Севером, как это порой видится современным интерпретаторам.

В ряду сторонников такого взгляда В. Г. Белинский, который в своих «Литературных мечтаниях» недвусмысленно заметил: «...оно (явление Ломоносова "на берегах Ледовитого океана". – *Примеч. Николая Николаева*) доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате...»⁵⁴

Известная реплика А. Д. Кантемира (1708–1744) в очерке К. Н. Батюшкова (1787–1855) «Вечер у Кантемира» (1816), намекающая как бы на грядущее появление Ломоносова и предъявленная им в следующей форме: «...что скажете, услыша, что при льдах Северного моря, между полукиких, родился великий гений?»⁵⁵, на самом деле реализует всё ту же концепцию внезапного, необъяснимого, с точки зрения «широты и долготы», рождения великого человека.

Иллюстративный ряд можно продолжать почти бесконечно. Взгляд на Ломоносова как на рождённого посреди «запустения» и «дикости» и в себе, и через себя несущего свет Просвещения – наиболее распространённая версия мифологизированной биографии XVIII – первой половины XIX века.

Резкие изменения происходят во второй половине XIX столетия. Рубежным в этом смысле стал 1865 год, когда отмечалось столетие со дня смерти Ломоносова. Ф. И. Тютчев (1803–1873) на это событие откликнулся строками:

Да, велико его значенье —

⁵⁰ Муравьёв М. И. Отрывки из «Трёх писем»//Михайло Ломоносов. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нём/Сост. Г. Е. Павлова, А. С. Орлов. М., 1989. С. 82.

⁵¹ Челищев П. И. Описание родины Ломоносова//Михайло Ломоносов. Жизнеописание... С. 87.

⁵² Шлёцер А. Л. О Ломоносове//Михайло Ломоносов. Жизнеописание... С. 85.

⁵³ Там же. С. 86.

⁵⁴ Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 томах. М., 1976. Т. 1. С. 68.

⁵⁵ Батюшков К. Н. Сочинения. Архангельск, 1989.

*Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение
Не нас поработил ему...⁵⁶*

Ещё несколько десятилетий назад не принято и невозможно было говорить о «порабощающей силе Просвещения», в век Просвещения такой пассаж натолкнулся бы на довольно резкие возражения. Ещё более удивительна формула «верный Русскому уму» – она ещё никогда не звучала в отношении Ломоносова и, на самом деле, изнутри разрушает господствующую версию о его явлении в «цивилизационной пустоте».

Аполлон Майков (1821–1897) в том же 1865 году эмоционально ещё более усилил и уточнил тезис Тютчева:

*Велик, могуч, как та природа,
Сам – как одно из тех чудес,
Встаёт для русского народа
Желанный посланец с Небес⁵⁷.*

Это уже образец «северного текста». Северная декорация в явлении Ломоносова неслучайна. Она становится практически общим местом в поэзии, прозе и живописи XX столетия. Так у Маргариты Алигер (1915–1992) мы читаем:

*Седые гривы вознося до звёзд,
дыша солёной горечью морской,
ломает мачты ледяной норд-ост,
пропахивший палтусиной и трескою.
И юноша с Двины из Холмогор,
приобретает в этой грозной школе
талант вставлять ветрам наперекор
и навыки бесстрашия и воли⁵⁸.*

Первоначальный миф принципиально трансформирован, в новой версии в центре внимания сильный характер, рождённый, заданный условиями сурового Севера, уникальный по своей жизнеспособности. Иногда это целая национальная программа, сохранённая в свёрнутом виде Русским Севером, для того чтобы быть воспринятой и раскрытой, реализованной ценой жизни национального героя.

Итак, два ломоносовских мифа, две концепции его жизненного подвига, оказавшиеся продуктивными в русской культуре на разных её исторических этапах в течение почти трёх-векового периода. Очевидна их идеологическая полярность: для одной принципиально значимой становится установка на «цивилизационную пустоту», в которую вводится меняющая её и содержательно наполняющая программа, её проводником и является Ломоносов; для другой – программа содержательного обновления русского мира уже изначально присутствует в нём, и миссия Ломоносова – её полноценное и масштабное раскрытие. По-разному интерпретированные, в зависимости от жанра и авторских установок и с разной степенью очевидности, эти две концепции присутствуют во всех русских текстах о Ломоносове, и обращаясь здесь пре-

⁵⁶ Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2 томах. М., 1980. Т. 1. С. 172.

⁵⁷ Майков А. Я. Сочинения. В 3 томах. М., 1984. Т. 1. С. 463–464.

⁵⁸ Алигер М. Собрание сочинений. В 3 томах. М., 1985. Т. 2. С. 99.

имущественно к поэзии, мы имеем в виду лишь то, что в них эти концепции представлены в наиболее сжатом и концентрированном виде.

Несмотря на существенные различия, невозможно не заметить, что представленные биографические модели имеют много общего. Обе построены по агиографическому канону, корнями уходящему в средневековое сознание. Обе в трактовке исторической миссии Ломоносова вмещаются в майковскую формулу «желанный посланец с небес», когда творящая в мире воля находится вне него, а он является в мир лишь её представителем, исполнителем.

Нетрудно заметить, что миф о человеке, явившемся в мир для того, чтобы раскрыть потенциал, таящийся в глубинах русской культуры, подсказан отчасти самим героем этого мифа – М. В. Ломоносовым. Широко известные строки из его знаменитой елизаветинской оды 1747 года дают тому, казалось бы, достаточные основания. Они чаще всего и цитируются в биографиях русского учёного, составленных в русле идеологии этого мифа:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать⁵⁹.*

Вырванные из контекста ломоносовской оды, эти строки действительно могут служить подтверждением мифологизированной биографии учёного. Но стоит поднять взгляд на одну строфу выше и становится очевидным, что смысловые акценты автором расставлены несколько иначе:

*Плутон в расселинах мятётся,
Что Россам в руки предаётся
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску дневного светила...⁶⁰*

Скрытый в российских недрах металл и скрытые в её недрах умы для Ломоносова, должно быть, явления одного порядка. Ни к каким особенностям ментального характера автор, похоже, не обращается в своих рассуждениях. Как одинаковы для него богатства недр России и иных стран («Тогда сокровища открыл,/Какими хвалится Индия...»), так же одинаковы и её интеллектуальные ресурсы. И это видно даже в первоначально цитируемом отрывке оды:

*И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих...*

⁵⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. М.-Л., 1950–1959, 1983. Т. 8. С. 206.

⁶⁰ Там же. С. 206.

Ода 1747 года примыкает, как это убедительно доказал русский литературовед и философ Л. В. Пумпянский⁶¹ (1891–1940), к традиции немецких од (в том числе петербургских академических немцев), для которых был характерен индустриально-экономический пафос («экономические оды» в терминологии Пумпянского). Тезис о достаточно больших ресурсах – как природных (традиционный мотив такой оды), так и человеческих (у Ломоносова), логично вписывается в канву этих рассуждений и подтверждает возможность стремительного научно-индустриального роста страны. Ломоносовское ожидание «собственных Платонов и Невтонов» в этом смысле ничем не отличается от «собственного Нила» («Там Лена чистой быстринной,/Как Нил народы напояет...») и собственных «индийских сокровищ». Все вместе – в ряду прочего – они и составляют условия индустриально-экономического всплеска, цивилизационного прорыва некогда дремлющей страны.

Ни о каком таящемся до времени своего самораскрытия в недрах русской культуры уникальном духовно-интеллектуальном потенциале, как это представлено в позднем ломоносовском мифе, сам Ломоносов ничего не говорит. Этому бы противоречило очевидное присутствие в тексте оды 1747 года следов другого, противоположного ему, мифа о внезапном (по воле Провидения) рождении гения в «цивилизационной пустоте». Правда представлен он у Ломоносова пока ещё в зачаточном виде и отнесён исключительно к явлению Петра Великого:

*Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства Он вознёс
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью поправну,
С собой возвысил до небес⁶².*

Что же касается наук, то они тоже в ломоносовской версии являются в Россию извне:

*Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему Монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в Российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды⁶³*

По наблюдениям Пумпянского, всё это восходит к весьма распространённому в европейской классицистической поэзии мифу о странствующих Музах, «мифу о странствующем

⁶¹ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума//XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 3–44.

⁶² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 199–200.

⁶³ Там же. С. 200.

едином Разуме»⁶⁴. Он задолго до Ломоносова «прижился» в русском литературном пространстве, и его активно использовали немецкие поэты петербургской академической среды, например, Г. Юнкер в своей широко известной среди современников оде 1742 года, переведённой Ломоносовым, или ещё ранее в оде 1733 года, обращенной к Г.К. фон Кайзерлингу, новому президенту Академии: «Рим стал Римом благодаря искусству, и никогда не стоял так высоко, как когда они бежали от греков и там избрали себе местопребывание. Свершилось, по воле Небес, речённое Великим Петром – станет отныне их дальнейшей обителью северное царство Анны»⁶⁵.

Воспринятый М. В. Ломоносовым и активно используемый им «миф о странствующем Разуме» никак не согласуется ни с «почвеническим мифом», связывающим рождение русского гения с особенностями изначальной русской ментальности, ни с мифом о беспричинном рождении учёного-гения посреди «цивилизационной пустоты». Иными словами, поиск доказательств справедливости бытующих в русской культуре мифов о Ломоносове в творчестве самого поэта бесперспективен. Сам М. В. Ломоносов не видел и не переживал свой жизненный путь, его смысл и смысл своих поступков учёного так, как это видят и трактуют его потомки.

Его «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» по своим смысловым параметрам почти полностью укладывается в концепцию, господствовавшую в одическом творчестве петербургской академической среды середины XVIII века, которую Л. В. Пумпянский точно выразил в названии раздела своей статьи: «Экономизм и приглашённые музы»⁶⁶. Пафос возможности индустриально-экономического взлёта страны, согласно этой концепции, оправдывал «приглашение Муз» в Россию, расцвет наук, способных принести ей неоценимую пользу.

В ломоносовской оде 1747 года есть один фрагмент, не укладывающийся однозначно в эту концепцию. Это, пожалуй, самые цитируемые её строки, обретшие вследствие этого в русском культурном пространстве самостоятельную – отдельную от текста оды – жизнь. Может быть, именно поэтому до сих пор не обращают внимания на их диссонирующие смысловые оттенки на фоне всего текста произведения:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде»⁶⁷.*

О какой пользе наук говорит здесь Ломоносов? Очевидно, что это какая-то иная польза, не объяснимая индустриально-экономическим процветанием России. Здесь совершенно иной пафос. Эта польза переживается посреди будничной, повседневной жизни: домашней, городской, уединённой и публичной, в разные возрастные периоды. В ней что-то сакральное, она нисходит как благодать посреди суеты. По своей природе и своему смысловому наполнению

⁶⁴ Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 35.

⁶⁵ Цит. по: Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 34.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 206–207.

это какая-то совсем другая польза, нежели та, в которой чуть ранее убеждал царствующую императрицу и её подданных М. В. Ломоносов.

И напрасно Л. В. Пумпянский пытался объяснить появление этих строк исключительно ранним увлечением Ломоносова поэзией И. Х. Гюнтера (1695–1723; ода «An die Frau von Bresslerin»)⁶⁸. Даже если предположить сходство мотивов, остаются необъяснимыми те смысловые оттенки, которые появляются у Ломоносова в контексте его оды в целом. И предысторию этих «смыслов», пожалуй, следует искать не только в немецкой поэзии, но и в русской культурной традиции, предшествующей появлению М. В. Ломоносова.

Почти за два десятилетия до ломоносовской оды 1747 года вопрос о «пользе наук» прозвучал в знаменитой «Сатире I» А. Д. Кантемира (1708–1744) «На хулящих учение. К уму своему». Её завершающие строки, обращенные «к уму своему», звучат так:

*...Молчи, уме, не скучай, в незнании сидя.
Бесстрашно того житьё, хоть и тяжело мнится.
Кто в тихом своём углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая.
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук...*⁶⁹

И этот призыв к «тайному веселению» себя дарами «милости всеблагой», помимо очевидного упрека современности, неспособной его разделить, несёт действительное переживание, потаённое знание о радости, которую дают науки безотносительно к их практической пользе. Польза от наук не прямолинейно практическая, и поэтому о ней можно «рассуждать в себе».

⁶⁸ Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 10. См. также: Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века// XVIII век. М.-Л., 1935. С. 129–130.

⁶⁹ Русская поэзия XVIII века. М., 1972. С. 69.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.